

Оглавление

Введение	5
Раздел 1. Диссертационные исследования как форма научного творчества историка: некоторые проблемы методологии	9
1.1. Историческое исследование как особый тип познавательной деятельности	9
1.2. Научная разработка исторических персоналий в формате диссертационных исследований	38
Раздел 2. Аннотированный библиографический список диссертационных исследований исторических персоналий участников российской Гражданской войны	65
2.1. Докторские диссертации	66
2.2. Кандидатские диссертации	76
Раздел 3. Документы и материалы	107
3.1. Документы и материалы, введенные в научный оборот в диссертациях, проаннотированных выше	107
3.2. Документы и материалы, имеющие отношение к дальнейшей научной разработке исторических персоналий участников российской Гражданской войны	118
Раздел 4. Биографические материалы об исторических персоналиях участников Гражданской войны, исследованных в диссертациях, проаннотированных выше	164
4.1. Государственное, политическое и военное руководство Советской России в ноябре 1917–1922 гг.	164
4.2. Лидеры и видные представители Белого движения	179
4.3. Участники российской Гражданской войны	186
Раздел 5. Научно-справочные материалы	205

Раздел 6. Некоторые современные отечественные исторические и историографические источники, имеющие отношение к рассматриваемой теме.....	237
Заключение.....	275
Краткий словарь военных и военно-исторических терминов.....	282
Список сокращений и аббревиатур.....	301
Сведения об авторах.....	305
Примечания.....	306

Введение

Scientia vinces¹

Не побоимся прослыть банальными любителями изречений прописных истин, которые, как свидетельствует общественно-историческая практика, довольно часто бывают верны, но только до первого ухаба, и констатируем очевидное: сегодня наука превратилась в непосредственную производительную силу общества, оказывая влияние практически на все сферы социальной жизни, в том числе в прошлом весьма далекие от науки.

Уместно в данной связи напомнить о взглядах К. Маркса, которые оказались пророческими. Он писал в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» буквально следующее: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»².

При этом необходимо подчеркнуть, что история науки вывела своего рода аксиому: арсенал формы научного творчества отличается исключительным многообразием. Причем формы научного творчества, дополняя и уточняя, а иногда в чем-то и отрицая друг друга, служат одной цели — познание научной истины в природе, человеческом мышлении и в обществе. Думается, что здесь как раз срабатывает один из аспектов знаменитой максимы К. Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги. И только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»³. Все, изложенное выше, имеет прямое отношение и к истории, ибо она является не только **наукой**⁴, но еще и:

во-первых, способом существования человека и человечества⁵;

во-вторых, специализированной дисциплиной⁶;

в-третьих, повествованием о прошедшем как особой форме культуры⁷.

Одной из таких форм научного творчества, что упоминались выше по тексту монографии, утвердились в исторической науке **диссертационные исследования**. Они являются, причем на протяжении уже нескольких столетий (примерно с XIII по XIV в.), необходимым средством определения уровня квалификации тех, кто посвятил свою жизнь и деятельность науке⁸. Собственно говоря, диссертации есть неотъемлемый элемент научной деятельности во

всех странах мира, где такая деятельность стала самостоятельным фрагментом культуры. Как следствие, появилось понятие «**диссертационная культура**».

В современной отечественной научной литературе под диссертационной культурой предлагается понимать «совокупность организационных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных институций, экспертного сообщества и заинтересованных претендентов на достижение научного статуса, направленных на получение научно-исследовательского продукта (произведения), соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам профессиональной сертификации»⁹.

Диссертационная культура может быть представлена в качестве научного феномена, задающего несколько познавательных ракурсов и подходов. Предметное поле диссертационной культуры имеет прямой выход на историю профессионализации научного сообщества, тесно сопрягается с проблематикой государственной политики в отношении высшего образования, граничит с областью изучения научных карьер, связано с системой межличностных отношений ученых, со «схоларными»¹⁰ и «поколенными» процессами в науке¹¹.

Не станет преувеличением сказать, что в арсенале форм научных исследований диссертация занимает особенное место и имеет свою специфику. Подобное детерминируется, в первую очередь, тем, что она в системе науки выполняет, подчеркнем еще раз, не побоявшись упреков в тавтологии, **квалификационную функцию**. Иными словами, диссертация после ее разработки обязательно представляется к **публичной защите**. Без нее получение ученой степени не представляется возможным¹². Следовательно, автор диссертации обязан: продемонстрировать уровень своей научной квалификации и, прежде всего, умение самостоятельно вести научный поиск и решать конкретные научные задачи¹³. Вот почему он именуется, как правило, «соискатель» (имеется в виду ученой степени) или «диссертант».

Что же представляет собой диссертация?

В. И. Даль (русский писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач) дает следующее толкование этому слову во втором издании своего знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» (1880 г.): «Диссертация... — небольшое ученое сочинение с целью доказать одно или несколько научных положений. Диссертации пишутся на получение ученых степеней; рассуждение, разыскание, розыск, исследование»¹⁴.

Через 90 лет Большая советская энциклопедия дала такую дефиницию: «Диссертация (от лат. *dissertatio* — рассуждение, исследование) — научная работа, подготовленная с целью ее публичной защиты для получения ученой степени»¹⁵.

Таким образом, и в XIX в., и в XX в. диссертация понималась в нашем Отечестве, в сущности, одинаково: как научная работа, выполненная соискателем для получения ученой степени, то есть определения уровня его научной квалификации. Иными словами, дефиниция «диссертация» расшифровывается в качестве научной и одновременно квалификационной работы. В единстве этих двух аспектов ее основная особенность. Особенность, которая во многом определяет специфику диссертационных исследований как формы научного творчества ученого.

Авторы данного научного труда, который выполнен, по их суждению, на стыке монографии и научно-справочного издания, избрали **объектом своего исследования** массив диссертационных исследований исторических

персоналий участников Гражданской войны в России (ноябрь 1917–1922 гг.) в качестве специфического историографического источника. В этот массив вошли диссертации, защищенные в СССР, РФ, а также некоторые научно-квалификационные работы, защищенные в Украине.

Предмет нашего исследования — проблема методологии выполнения диссертационных исследований исторических персоналий участников Гражданской войны в России (ноябрь 1917–1922 гг.), разработка их библиографии, а также научно-справочных материалов, имеющих к ним как непосредственное, так и опосредованное отношение.

Рассуждая об объекте и предмете исследования нашей книги, нельзя не отметить, что в них присутствует исторический феномен не просто войны¹⁶, который проходит чередой непрерывных войн — больших и малых через всю историю человечества¹⁷, а именно **российской Гражданской войны** [1917 (1918) — 1920 (1922)]¹⁸, той войны, что стала величайшей трагедией безумия братоубийственной бойни, в которую наши не столь далекие предки (конечно, не по меркам человеческого бытия, а по меркам течения исторического процесса) были втянуты теперь уже чуть более ста лет назад.

Констатируем, что уникальный исторический феномен российской Гражданской войны находится сегодня в эпицентре не только научной дискуссии, но и полемики. И это не случайно. *«История Гражданской войны — гигантское поле для ученого, сложнейший узел социальных, национальных, политических, экономических, военных, нравственных проблем, переплетенных между собой с такой причудливостью, какую не придумать ни одному писателю-фантасту. Невиданные перемены в жизни десятков миллионов людей, крутые изломы. Чистота помыслов и немыслимая грязь, благородство и подлость, верность идеалам и предательство. Непрерывно раскручивающаяся спираль насилия. Опаленная огнем межа, пролежавшая не только между классами, партиями, бойцами, но раскалывавшая семьи, разлучавшие любящие сердца»*¹⁹, — отмечал выдающийся советский/российский историк Ю. А. Поляков в присущей ему афористичной манере. Лучше, пожалуй, и не скажешь.

При этом необходимо подчеркнуть, что полемика по проблематике истории Гражданской войны в России, развернувшаяся в первой четверти XXI века, имеет высокий градус накала, детерминированный ее политизацией. Конечно, этот градус накала все-таки несколько остыл, в сравнении с лихими девяностыми (особенно их первой половины). Но все-таки он остается по-прежнему относительно высоким в полемике, о которой идет речь выше. И это явно не идет на пользу дальнейшему позитивному развитию отечественной исторической науки. Авторы настоящего научного труда не намерены вступать в дискуссию, и, тем более, в политизированную полемику. Между тем, мы высказали ряд оценочных суждений, личностных мнений о Гражданской войне в России, разместив их в разделе «Научно-справочные материалы».

Цель исследования — проанализировать массив диссертационных исследований исторических персоналий участников Гражданской войны в России (ноябрь 1917–1922 гг.) в качестве специфического историографического источника, выделив при этом ключевые аспекты рассматриваемой проблемы:

- освещение методологии выполнения диссертационных исследований, указанных выше, и разработка их аннотированного библиографического списка;

- отбор некоторых документов, введенных в научный оборот в рукописях анализируемых диссертаций, а также поиск и введение в научный оборот

документов, имеющих отношение к дальнейшей научной разработке исторических персоналий участников российской Гражданской войны;

– отработка биографических материалов об исторических персоналиях участников российской Гражданской войны, которым посвящены проанализированные диссертации;

– разработка научно-справочных материалов, а также составление библиографического списка некоторых современных отечественных исторических и историографических источников, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к рассматриваемым диссертациям, и могущими служить для дальнейшей научной разработки исторических персоналий участников российской Гражданской войны.

Подобная цель определила структуру монографии: введение; шесть разделов; заключение. Книга снабжена кратким словарем военных и военно-исторических терминов, а также списком сокращений и аббревиатур.

Авторы данного исследования учли следующие обстоятельства:

во-первых, исторические события ноября 1917–1922 гг., отличаются исключительной сложностью, дискуссионностью и даже полемичностью в их изучении, что выше уже отмечалось;

во-вторых, диссертации, упомянутые выше, защищались и в советский, и в постсоветский, и современный периоды развития отечественной исторической науки, что не могло не наложить неизгладимого отпечатка на их концептуальные замыслы, фактографию, фактологию и аналитику, архитектуру, и, что особенно важно, — на аксиологические суждения.

Учет подобных обстоятельств во многом сопутствовал тому, чтобы в нашей книге проявилась уникальность. Она станет незаменимой как для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, а также и для сотрудников научно-исследовательских организаций. Наш научный труд просто не может не заинтересовать докторантов и аспирантов (адъюнктов). Он может стать в чем-то небезынтересным и для студенчества. Исследование поможет и тем ученым, что разрабатывают проблематику роли и места конкретных исторических персоналий в судьбоносных для нашего Отечества событиях 1917–1922 гг. Мы также полагаем, что доступное и доказательное освещение проблемы, исследованной нами, сделает его интересным не только специалистам, но и широкому кругу любителей истории. В первую очередь для тех, кто интересуется историей нашей Отчизны на переломных, судьбоносных исторических этапах.

Разумеется, авторы настоящей монографии не претендуют на полноту освещения рассматриваемой научной проблемы. Не возводим мы личностные суждения и оценки в абсолют. Как любым ученым, нам присуща какая-то доля амбиции, но стараемся не путать ее с позицией.

Для нас здесь имеется четкий ориентир — утверждения академика Д. С. Лихачева о том, что ученый *«не должен становиться пленником своих концепций»*²⁰. Подобная мысль — прекрасный научный и нравственный ориентир в научном творчестве.

РАЗДЕЛ 1

Диссертационные исследования как форма научного творчества историка: некоторые проблемы методологии

Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый страстием, искажать факты, преувеличивать счастье или умять в своем изложении бедствие; он должен быть, прежде всего, правдив, но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом.

Н. М. Карамзин²¹

Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины, само должно быть истинно.

К. Маркс²²

Историки карты тасуют.
По знаку державной руки
Они что угодно рисуют
И лепят свои ярлыки
Все снова неясно, не просто —
Колеблются чаши весов.
В глазах от имен зарябило.
Осмысливай смолкшие дни,
Но помни —
что было, то было.
И как бы тебя не знобило
Всю жесткую правду верни.

Л. Ошанин²³

1.1. Историческое исследование как особый тип познавательной деятельности

Наука — рефлексия — научное исследование — методология науки и научного исследования: непростая диалектика. — Методология истории. — Историческое исследование в двух измерениях. — Культурно-эпистемологический контекст исторического исследования и его атрибутивные признаки. — Историческое исследование как когнитивная деятельность. — Научные подходы к историческому исследованию. — Историческое исследование: логика, стратегия, принципы, методы

Авторы научного труда сочли целесообразным предварить анализ предмета своего исследования, означенного в названии раздела, рассуждениями,

причем с элементами конспективности, которые позволят уяснить непростую диалектическую связь между категориями **рефлексия — научное исследование — методологии науки и научного исследования**. Они станут своего рода кроками маршрута в аналитическом материале, излагаемом ниже.

История науки гласит: ученый, то есть субъект науки, немислим без рефлексии. Этот тезис убедительно аргументирован в специально научной литературе²⁴. При этом заметим, что термин «рефлексия», отличается, с общефилософской точки зрения неоднозначностью:

во-первых, под ним подразумевается философский дискурс, характеризующий форму теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований;

во-вторых, это деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека;

в-третьих, рефлексия, в конечном итоге есть осознание практики, мира культуры и ее модусов — науки, искусства, религии и самой философии, в таком смысле рефлексия есть способ определения и метод философии, а философия — рефлексия разума²⁵.

Причем понятие рефлексия имеет два смысла:

во-первых, размышления, объективирующиеся в языке и произведениях культуры;

во-вторых, собственно рефлексии, размышляющей об актах и содержании чувств, представлений и мысли.

Позитивный смысл рефлексии заключается в том, что с ее помощью достигается освоение мира культуры, продуктивных способностей человека. Мышление может сделать себя предметом теоретического анализа только в том случае, если оно опредмечено в реальных, предметных формах, вынесено вовне и может относиться к самому себе опосредованно. Рефлексия тем самым является формой опосредствованного знания.

Под *научной же рефлексией* следует понимать «анализ внутреннего строения и специфики теоретического знания, проводимого на основе уяснения тех методов и приемов, которые свойственны данной области научного исследования»²⁶. Научная рефлексия подразумевает и критику, и анализ научного знания, научной деятельности и организации науки, основанные на рефлексивных механизмах данной научной области.

Наука движется вперед в первую очередь посредством *научных исследований*. Они являются не только основной формой существования, но и основной формой развития науки. Научное исследование есть целенаправленное познание, результаты которого выступают в виде системы понятий, законов и теорий. В научном исследовании осуществляется оценка влияния на объекты разных факторов и наряду с этим изучаются взаимодействия между явлениями с целью получения убедительно доказанных и полезных для науки и практики решений²⁷.

Многолетняя практика научно-исследовательской деятельности, которая трактуется, причем, на *нормативно-правовом уровне*, как «деятельность, направленная на получение и применение новых знаний»²⁸, вывела своего рода исследовательскую аксиому. Она гласит: *не представляется возможным выполнить качественные научные исследования без определения их методологических основ*. При этом следует исходить из того, что методология в общефилософском плане является типом рационально-рефлексивного сознания, направленного «на изучение, совершенствование и конструирование методов²⁹ в различных сферах духовной и практической деятельности».

Существуют методологические представления и концепции разной степени разработанности и конструктивности, различного уровня и широты охвата (методология на уровне философской рефлексии, общенаучная методология и методология науки междисциплинарного уровня, методология частных наук). В настоящее время разрабатываются методологические концепции, связанные с отдельными видами деятельности (методология образования, методология инженерного дела, методология проектирования и пр.)³⁰.

Нельзя не отметить и того, что у методологии научного исследования сформировались достаточно сложные отношения с философией. Дело в том, что методология может трактоваться с позиций философии, и философия может трактоваться в рамках некоей обобщенной методологии.

Двусмысленность подобной ситуации проявляется исторически. Пока в науке доминировала вера в незыблемые познавательные стандарты, философия описывалась и оценивалась в терминах общей методологии познания. Но поскольку в XX в. познавательные стандарты обнаружили свою зависимость от самого процесса познания, от развитости познающего субъекта и от типа познаваемых объектов, постольку в основаниях методологии выявились социальные, человеческие, культурные, исторические «измерения» и потребовалось их социально-философское осмысление. В данном плане методология обнаружила свою условность, не в смысле ненадежности, а в смысле зависимости от определенных условий воспроизводящейся деятельности людей.

И это нашло особенно рельефное отражение в истории советской науки. В качестве ее методологии монопольно господствовал догматизированный марксизм в большевистском его измерении (читай: ленинизм). Его, что представляется принципиальным констатировать отдельно, адаптировали к запросам и нуждам правившей в Советском государстве коммунистической партии³¹. Марксизм-ленинизм *объявили официально* в Советском государстве универсальной и единственно верной теоретико-методологической основой. Причем всех без исключения научных исследований³².

Здесь мы имеем дело с крайностью, нанесшей огромный ущерб развитию советской науки. Однако такая крайность не может поставить под сомнение признанный сегодня во всем мире философско-гносеологический потенциал классического марксизма³³.

Правда, если механически перенести в современную действительность всю совокупность взглядов и выводов классического марксизма середины прошлого столетия в начало XXI в., то это значит скатиться на позиции догматизма. Того самого догматизма, главную характерную черту которого четко определил великий мыслитель Г. В. Ф. Гегель — одностороннее рассудочное мышление, когда «исключаются противоположные определения»³⁴.

И что характерно: на историческом закате СССР мысли, сходные с Г. В. Ф. Гегелем, высказал А. Н. Яковлев — ведущий идеолог горбачевской перестройки, бывший тогда членом Политбюро ЦК КПСС: «Один из признаков догматического мышления — категоричность суждений, недопустимость иного видения обсуждаемого вопроса»³⁵. Можно по-разному относиться к личности и деятельности А. Н. Яковлева, но вряд ли историк-профессионал усомнится в правильности суждения, высказанного выше.

Авторы данного научного труда считают принципиально значимым тезис, сформулированный ими так: **сегодня в вопросах исследования**

процесса историко-научного познания можно опираться на основные выводы диалектического материализма.

Это относится, в частности, к тем положениям диалектического материализма, которые рассматривают любой объект как систему, конечную во времени и пространстве, и, в то же время, находящуюся в непрерывном изменении, то есть в возникновении и исчезновении тех или иных ее сторон. Системный подход диалектического материализма предполагает понимание всякого объекта как стройной системы элементов, на которые он объективно распадается, и, одновременно, как элемента более широкой системы. Только рассмотрение объекта в развитии, во взаимодействии его внутренних элементов и в совокупности внешних взаимосвязей дает возможность описать сложность процесса научного познания, выступающего как закономерная и высшая форма отражения действительности в сознании³⁶.

Более того, в развитии современной методологии и теории познания все большее место занимают вопросы, связанные с выяснением динамики познавательных проблем, культурно-исторической природы познавательных средств, изменчивости категорий и понятий, с формированием новых познавательных установок и т. д. Данные вопросы, так или иначе, сопряжены с включением в анализ методологии философских представлений. *Короче говоря, там, где речь идет о динамике методологии, неизбежно возникает проблема ее философского обоснования*³⁷.

Итак, имеется методологическая функция по отношению к отдельным наукам. Именно ее и выполняет философия. Однако на современном этапе подобная функция связана не с предписыванием научным дисциплинам норм и правил исследования, а с выяснением характера проблем и парадоксов, требующих переработки познавательного аппарата отдельных наук, уточнения условий познания³⁸.

Однако вышеизложенные положения ставятся под сомнения из-за появления тенденций (примерно с 1960-х годов), проявившихся в культурной практике и самосознании Запада. Их суть — пересмотр кардинальных предпосылок европейской культурной традиции, связанных с прогрессом как идеалом и схемой истории, разумом, организующим вокруг себя весь познаваемый мир, либеральными ценностями как эталоном социально-политического обустройства, экономической задачей неуклонного прироста материальных благ.

Это и есть постмодернизм³⁹ — теоретическая реальность современной мировой и отечественной социально-гуманитарной мысли⁴⁰.

Постмодернизм сторонится «тотализующих моделей» и связан со сменой познавательной парадигмы, пересмотром позиции субъекта как центра и источника системы представлений. Место субъекта занимают разнообразные безличные структуры.

В постмодернизме велика роль описательного плана, т. е. характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркиваются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью. Реальность и фантазия сливаются в «виртуальной» действительности, как в «Диснейленде». Карта предшествует территории и создает «территорию», телевизор формирует общество.

Призыв постмодернистов таков: больше хаоса, дискретности, плюрализма, чувственности, кризиса авторитетов, интуитивизма, поиска нестабильности, несогласия, нигилизма, отсутствия единообразия, иронии по отношению к признанным ценностям, калейдоскопичности, символичности, неустойчивости⁴¹.

При этом представляется принципиальным подчеркнуть следующее обстоятельство: одно из положений философии постмодернизма — антиметодология, то есть отрицание необходимости любой методологии в научных исследованиях⁴². По нашему суждению, здесь налицо одна из крайностей постмодернизма. Конечно, нельзя поддаваться соблазну жесткого и всеобъемлющего методологического нормативизма. В то же время, самосознание науки не должно отказываться от всякой методологической регулируемости. Такой отказ подорвал бы саму основу науки как формы рационального сознания⁴³.

Повышение значимости исторического знания, которое наблюдается в обществе в начале XXI в. прямым образом повлияло положительно на процесс познания исторической истины. Следовательно, возрос интерес и к осмыслению и переосмыслению методологии истории — этой поистине многоаспектной научной дисциплины.

Но не все здесь так прямолинейно, как представляется в первом приближении. Дело в том, что теория и методология исторической науки — вечнозеленое древо. Это та сфера, где исследователь априори обрекает себя на огонь критики. Причем по-ученому часто стреляют из стволов тяжелой артиллерии крупного калибра. А ответить на убийственный огонь порою трудно. Ведь теория и методология истории — такая область научных знаний, где нет до сих пор устоявшихся дефиниций, четко обозначенных законов (подобно, например, философскому закону диалектического синтеза).

Более того, ученых, рискующих сформулировать законы истории, найдется не так уж много. Первыми в данном ряду шагают классики марксизма-ленинизма, претендовавшие на открытие универсальных законов исторического развития. Можно вспомнить и американского историка Эдварда П. Чейни, провозгласившего свои «шесть законов истории» в Американской исторической ассоциации⁴⁴. Другой — немецкий историк Курт Брейзинг — сформулировал не менее 35 «законов истории»⁴⁵. Но все эти законы так и не стали универсальными законами истории.

Не стоит удивляться: открыть универсальные законы истории чрезмерно сложно. Можно согласиться с объяснением зарубежного исследователя Э. Майера: *«Тому, что не существует никаких законов истории, мы обязаны именно природе самой истории, а не интеллектуальному бессилию самих историков или тем более нехватке фактических данных»*⁴⁶.

С позицией Э. Майера перекликается позиция румынского историка А. Ксенопола: *«...история имеет дело с событиями, происходящим лишь однажды... это не может привести к выработке представления о законе»*⁴⁷.

Действительно, открыть законы истории чрезмерно сложно⁴⁸. И все-таки они есть. Об этом хорошо сказал Ю. А. Поляков: *«История развивается по определенным законам, определяющим, в конечном счете, поступательный ход. Но проявляются эти законы по-разному в разных странах и в разное время. Они, законы, не обнаруживаются в чистом виде, подобно дистиллированной воде. Они выступают в причудливом переплетении всевозможных обстоятельств — войн, неурожаев, эпидемий, стихийных бедствий, династических коллапсов, трагедий, потерпевших поражение, и триумфа победителей, в бесчисленных проявлениях позора и славы, чести и бесчестия, мужества и трусости, преданности и предательства»*⁴⁹.

Думается, что у исследователя нет права на нигилистическое отношение к попыткам открытия законов и закономерностей в истории. Ученым всегда придется сталкиваться с повторяемостью событий: Цезаря, единственного и неповторимого во всемирной истории, заговорщики убили только один раз, но тиранов и диктаторов убивали неоднократно. Следовательно, необходим поиск закономерностей. Впрочем, все это так дискуссионно, полемично...⁵⁰

Усложняет теоретико-методологический поиск в российской исторической науке и то, что сегодня в ней утвердилось плюралистическое «многоголосье». Оно означает:

- в широком смысле, свободу выбора методологической ориентации;
- в узком смысле — взаимодействие различных познавательных средств на основе принципа дополнительности.

Правда, истекшее двадцатипятилетие ХХI века показало, что плюрализм мнений, став реальностью современной отечественной исторической науки, трансформировался у отдельных исследователей в «плюмаризм» мнений. Чего только стоят, к примеру, усилия некоторых так называемых историков либеральной школы изучения истории Великой Отечественной войны, пытающихся обелить предательство генерала А. А. Власова в 1942 году⁵¹.

Ничего не поделаешь. Это обратная сторона конституционной свободы слова, кою некоторые путают со свободой от совести и ответственности. Хотя, конечно, здравый смысл гласит: «Черного кобеля не отмоешь добела». Тем не менее, подобные попытки имеют место.

Размышляя о сложностях теории и методологии истории, нельзя не отметить и того, что в спорах, возникающих здесь, наблюдается парадокс, суть которого сводится к следующему. Ученый, стремясь доказать личные теоретико-методологические построения, часто попадает под влияние магии формулы одного из парадоксов человеческого познания: «Каждый видит то, что хочет увидеть, каждый слышит то, что он хочет услышать».

Это очень тонко подметил в свое время отечественный ученый Н. И. Кареев: «Каждый историк, имеет свое представление о том, как совершается история, — представление, вытекающее и из априорных предпосылок, без которых не обходится никакая научная работа..., из всего мирозерцания историка, и из тех обобщений, которые складываются у него на основании собственного изучения им тех или других комплексов исторических фактов»⁵².

В проблему методологии исторической науки внес свои сложности так называемый постмодернистский вызов в истории. Его суть можно свести к следующему — **интеллектуальная атака на принципы получения информации об исторической реальности**. Сторонники постмодернистского вызова утверждали, что между свершившимся событием и рассказом историка об этом событии стоит огромная дистанция, в ходе преодоления которой происходит такое искажение прошлого, что об его адекватном отражении вообще нельзя говорить.

Исторический факт отражается в письменном источнике — нарративе, где он уже искажен из-за разной степени осведомленности автора текста, его субъективности и тенденциозности, наконец, из-за его преднамеренной лжи или искреннего заблуждения. Чем дальше отстоит само событие от его отражения в нарративе (например, в средневековые большинство хроник отделено от описываемых в них событий на несколько десятков, а то и сотен лет), тем выше степень погрешности данного отражения. Однако искажения нарастают, когда к использованию нарратива приступает историк-интерпретатор.

Во-первых, он выступает как бы соавтором текста, поскольку прочитывает его, исходя из своей профессиональной подготовки, мировоззрения, исследовательских задач. И смысл, который он извлекает из памятника, может в значительной мере не совпадать с тем, который в него вкладывал создатель.

Во-вторых, в принципе нет уверенности в возможности адекватного истолкования современным историком текста, написанного много столетий назад. Поэтому постмодернисты утверждают, что прошлого как бы не существует, а есть представленное в дискурсе информационное поле, которое, собственно, и есть история.

Следовательно, в данном подходе *объект познания* трактуется не как что-то внешнее *познающему субъекту*, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Язык выступает не средством отражения и коммуникации, а главным смыслообразующим фактором, детерминирующим мышление и поведение. Причем постмодернистами акцентируется внимание на креативном, искусственном характере исторического повествования, выстраивающего неравномерно сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд⁵³.

При этом необходимо подчеркнуть, что постмодернисты, критикуя своих предшественников⁵⁴, так и не смогли создать яркие образцы конкретно-исторических исследований по тематике своих идейных оппонентов — историков-традиционалистов. Работы сторонников постмодернистского вызова тесно смыкаются с литературоведением. Они носят в значительной мере элитарный характер и ближе к литературным произведениям, чем к традиционным историографическим жанрам, поэтому не могут составить реальную конкуренцию последним. В то же время, не стоит отрицать того, что усвоение некоторых постмодернистских методик изучения нарратива способно на современном этапе развития исторической науки в России сыграть и положительную роль⁵⁵.

В целом же тема постмодернистского вызова является в современной историографии дискуссионной⁵⁶. Это — предмет отдельного исследования.

Как видно, налицо сложная историографическая ситуация. И здесь стало неписанным правилом: **выбор подходов к познанию истории — неотчуждаемое право исследователя**. Но здесь ему не обойтись без методологических изысканий.

Под методологией истории понимается «*научная дисциплина, разрабатывающая методологический аппарат исторической науки, изучающая природу, принципы и методы исторического познания*»⁵⁷.

Причем здесь следует сразу заметить, что в научном обороте фигурируют еще и такое понятие как «*теория истории*». Под ней следует понимать область общих представлений об истории в целом или об отдельных исторических явлениях и процессах (например, норманнская теория). В теории истории рассматриваются общие проблемы изучения истории как реальности (онтология) и история как познание (гносеология).

Познание прошлого включает в себе две неразрывно связанные задачи:

1) выяснить и описать то, что было на самом деле в исторической реальности;

2) объяснить, почему это было именно так, а не иначе.

Именно на данной стадии исторических исследований, на основе совокупности частных фактов осуществляются теоретические обобщения, делаются выводы насчет выявленных закономерностей и путей исторического развития.

Нарушение процесса накопления и изучения конкретных фактов и их теоретического обобщения чревато искажением гносеологической картины. Но при выборе или построении объяснительной модели следует стараться избежать абсолютизации какой-то одной теоретической парадигмы [то есть «теории (или модели постановки проблем), принятой в качестве образца решения исследовательских задач»⁵⁸], чтобы не впасть в одностороннюю крайность. Это обусловлено тем, что **большое разнообразие явлений неизбежно порождает не меньшее разнообразие их истолкований.**

В любом случае теория истории — высший, самый развитый уровень исторического познания, по сравнению с уровнем конкретно-исторических представлений о событиях⁵⁹. Она тесно связана с *философией истории* — разделом философского знания, связанный с постижением смысла и закономерностей исторического процесса⁶⁰.

При этом необходимо подчеркнуть, что философия истории в качестве соответствующего типа сознания активизируется в переходные, нестабильные эпохи, когда рушатся привычный уклад, казавшиеся незыблемыми учреждения и проблематизируется само человеческое бытие. Философия истории решает вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего, сама постановка которого свидетельствует о неудовлетворенности настоящим. Последнему противопоставляется либо прошлый «золотой век», что создает ностальгическую интенцию философии истории, либо чаемое будущее, что характеризует проспективистскую интенцию. Применительно к историческому процессу философия истории решает две задачи:

- 1) онтологическую, связанную с осмыслением исторического бытия;
- 2) эпистемологическую, связанную с проблемами исторического познания.

Принципиальным для философии истории является вопрос о ценностях. Этот тип сознания является ценностным по преимуществу, т. е. судит историю по имени известного идеала⁶¹.

Заметим также, что синонимом термина «философия истории» иногда вступает термин «историософия», который часто употреблялся отечественными историками в конце XIX — начале XX в. Историософия претендует на целостное познание исторического процесса в свете раскрытия в нем первоначал бытия и метаисторического смысла. Как правило, преимущественное внимание в историософских построениях получает тот исторический период, к которому принадлежит автор концепции⁶².

В научном обороте фигурируют также понятие «Теория и методология исторической науки» или «Теория и методология истории». Исследователи, рассуждая о них, подчеркивают при этом диалектическое единство двух составляющих, входящих в понятие⁶³. Понятия, указанные выше, фигурирует, как правило, в учебных изданиях⁶⁴.

И, наконец, **в настоящее время понятие «методология» используется не только в изначальном смысле, но и для обозначения теоретических основ исторического познания в целом, всей его проблематики.**

В целом же, все вышеназванные категории взаимозависимы. Они взаимно влияют друг на друга и имеют доминантное значение для существования и развития исторической науки.

Анализ специальной и учебной литературы позволяет заключить, что методологию истории можно оценивать в трех измерениях (см. табл. 1).

Три измерения методологии истории

Измерения	Методология — это
Первое	Теория исторического познания
Второе	Система принципов, методов и понятий исторического познания
Третье	Система мировоззренческих выводов, своего рода доктринального взгляда на исторический процесс в целом

Источники: Историческая наука: Вопросы методологии / под ред. Ю. В. Бромлея; Медушевская О. М. Теория и методология истории; Здерева Г. В. Указ. соч.; Гуревич А. Я. Об исторической закономерности; Проблемы исторического познания. Материалы межд. конф. Москва, 19–21 мая 2006; Хвостова К. В. История: проблемы познания // ВФ. 1997. № 4. С. 61–71; Копосов Н. Е. Как думают историки; Коломийцев В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию); Капто А. С. Историческая наука и формирование исторического сознания // ВИ КПСС. 1989. № 1. С. 20–34; Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин; Румянцева М. Ф. Теория истории: учебное пособие. М., 2002; Гольцов В. И. Введение в историю. Науковедческие и методологические аспекты исторической науки. Учебное пособие Самара, 2002; Лаптева М. П. Теория и методология истории: курс лекций. Пермь, 2006.

Подчеркнем, что третье измерение методологии истории требует дополнительных рассуждений.

Методология истории в качестве своего рода доктринального взгляда на исторический процесс в целом всецело господствовала в советской исторической науке. В ней вся методология истории была уложена в прокрустово ложе догматизированного марксизма, переведенного лидерами и идеологами правившей в Советском государстве коммунистической партии в большевистское измерение (читай: ленинизм). Более того, ее возвели в ранг единственно верной и непогрешимой⁶⁵. Дело дошло до травли и даже физического уничтожения талантливых ученых⁶⁶. В конечном итоге, советской исторической науке нанесли серьезный и во многом непоправимый ущерб⁶⁷.

Первая четверть XXI века показала, что плюрализм мнений, зародившийся в отечественной исторической науке в конце 1980-х — начале 1990-х годов, окончательно окреп. Он стал сегодня реальностью. В условиях, не станет преувеличением сказать, воцарения методологического плюрализма, в котором развивается современный историографический процесс, вряд ли доктринальный взгляд на методологию истории появится вновь. По крайней мере, в обозримом будущем. Между тем, уроки истории помнить надо.

Современный уровень накопления знаний в сфере теории и методологии исторической науки свидетельствует: **историческое исследование** имеет два измерения:

во-первых, систему теоретических и эмпирических процедур, направленных на получение нового знания, необходимого для достижения поставленных целей;

во-вторых, особый тип познавательной деятельности, отличительная черта которого состоит в создании нового знания⁶⁸.

Историческое исследование как особый тип познавательной деятельности связан с когнитивным моделированием исторической действительности,

целью которого является получение нового исторического знания с помощью определенных научных средств и научно-исследовательских действий.

Исторические знания как результат научных исследований представляют собой различные модели исторической действительности как формально-структурированные ее образы или представления, выраженные в символической форме, в форме языка исторической науки.

Известно, что наука требует строго академического стиля изложения материала. Как заметил в свое время Д. С. Лихачев, язык художественной литературы образен, но с точки зрения ученого неточен. *«Наука требует однозначности, в художественном же языке первостепенное значение имеет обратное — многозначность»*⁶⁹.

Как ту не вспомнить афоризм Р. Декарта: *«...если бы среди философов установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры были бы прекращены»*⁷⁰.

Но в исторической науке здесь все гораздо сложнее. Понятно, что изложение строгих научных истин популярным, художественным языком, требует осторожности и взвешенности. Популярность, если ею злоупотреблять в погоне за красивой отточенной фразой, может в научных трудах превратиться в поверхностные взгляды и оценки, а хуже того — в примитивизм. В то же время, не стоит забывать, что историк, являясь исследователем, все-таки становится, в какой-то мере и писателем, ибо нет другой формы реализации научного продукта, полученного им, только как литературное его изложение.

Это очень хорошо в свое время подметил Ю. А. Поляков: *«Выражения красочные, яркие, сравнения редки в наших трудах. Казенные слова, стертые фразы, используются чаще. Для многих он служат кольчугой, защищающей от возможной критики. И заполнять ими страницы, куда легче и быстрее»*⁷¹.

Вот и получается, что ученый сделал большое дело — написал серьезный научный труд, но обрек себя на известность, главным образом, в узком кругу специалистов. А ведь именно исторические труды (кстати, и не всегда лишь научно-популярные) любят читать не только те, кто входят в узкий круг специалистов. Но читатели, именуемые, к примеру, знатоками и любителями истории, не смогут дочитать до конца произведение, написанное строгим научным языком. Если вообще за него возьмутся. А если и найдутся энтузиасты и дочитают до конца, то пользы извлекут для себя мало, ибо, как тонко подметил все тот же Ю. А. Поляков, умнейшие, правильные мысли, *«выраженные избитыми, стандартными, общими, казенными фразами, — забываются тут же»*⁷².

Спрашивается, где выход? Искать трудную гармонию в процессе сочетания в архитектонике исторического исследования литературно-художественных фрагментов и сюжетов с фрагментами и сюжетами, выдержанными в строго научном стиле⁷³.

Заметим, что когнитивные моделирования исторической действительности являются формально-структурированными образами или представлениями. Следовательно, они содержат определенные ошибки в отношении воспроизводимой ими исторической действительности. Это связано с тем, что никакая модель не может воспроизвести все ее стороны, и потому та или иная модель всегда что-то выпускает из рассмотрения, за счет чего какие-то стороны моделируемой исторической действительности описываются и объясняются неправильно.

Поскольку любая формальная система как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru